

Формирование диалектной карты вепсского языка (на материале «Лингвистического атласа вепсского языка»)

© 2018

Нина Григорьевна Зайцева[®],
Ирма Ивановна Муллонен

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
ФИЦ «Карельский научный центр РАН», Петрозаводск, Россия; [®]zng@ro.ru

Аннотация: В статье предложены новые результаты исследования диалектного членения вепсского языка, полученные в ходе работы над «Лингвистическим атласом вепсского языка» (ЛАВЯ), в котором представлено около 200 карт, отражающих ареальное распределение фонетических и морфологических признаков, а также диалектной лексики. Формирование вепсской диалектной карты — это сложный, растянувшийся во времени многофакторный процесс, в котором важную роль сыграли как собственно языковые, так и внеязыковые обстоятельства. Специфика вепсских диалектных ареалов проявляется в разной степени сохранности прибалтийско-финского языкового наследия и, соответственно, в вепсских инновациях, реализовавшихся в вепсских диалектных ареалах в ходе их самостоятельного развития. Значимы также разные по истокам и наполнению внешние языковые связи. В статье внимание привлечено к карельским и русским контактам, внесшим свои особенности в северо- и южновепсский диалекты. Среди внеязыковых факторов первостепенное значение имеют ландшафтно-географические. Они сформировали пути освоения территории и границы ареалов, способствовали установлению административных границ. Административная разобщенность вепсских территорий, с одной стороны, приводила к консервации некоторых собственно вепсских языковых особенностей в пределах отдельных административных единиц — Олонецкой или Новгородской губерний, с другой, определяла основные центры и направления иноязычного влияния. В статье предложена реконструкция исторического вепсского языкового ареала и его внутреннего членения.

Ключевые слова: ареальная лингвистика, атлас, вепсский язык, лингвистическая география, прибалтийско-финские языки, этимология, языковые контакты

Для цитирования: Зайцева Н. Г., Муллонен И. И. Формирование диалектной карты вепсского языка (на материале «Лингвистического атласа вепсского языка») // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 85–103. DOI: 10.31857/S0373658X0002021-2.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках плановой темы ИЯЛИ КарНЦ РАН «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте», АААА-А18-118012490344-5.

Development of the dialectal areas of Vepsian: “Vepsian Linguistic Atlas”

Nina G. Zaitseva[®], Irma I. Mullonen

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian
Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS), Petrozavodsk, Russia; [®]zng@ro.ru

Abstract: The paper reports new results from the study of the dialectal division of the Vepsian language, obtained while working on the “Vepsian Linguistic Atlas” which comprises about 200 linguistic maps showing the distribution ranges of phonetic and morphological traits, as well as dialectal lexis. The Vepsian dialectal map was taking shape through a complex and prolonged process, where both purely linguistic and extralinguistic circumstances played important roles. We show that Vepsian dialectal ranges differentiate

by the degree to which they have preserved the Baltic-Finnic linguistic heritage and, accordingly, by the amount of Vepsian innovations implemented in the dialectal ranges in the course of their individual development. Another factor has been the external linguistic contacts of various origins and contents. We highlight Karelian and Russian contacts, which have contributed their specific features to the northern and southern Vepsian dialects, respectively. Priority among the extralinguistic factors belongs to landscape-geographic settings. They directed the land development pathways, shaped the boundaries of the ranges and the administrative borders. The administrative division of Vepsian territories resulted in the preservation of some specifically Vepsian language features within individual administrative units (Olonets or Novgorod provinces), on the one hand, and predetermined the focal points and directions of foreign-language influence, on the other. The paper offers a reconstructed model of the historical Vepsian language range and its subdivision.

Keywords: areal linguistics, atlas, Baltic-Finnic languages, etymology, language contact, linguistic geography, Vepsian

For citation: Zaitseva N. G., Mullonen I. I. Development of the dialectal areas of Vepsian: “Vepsian Linguistic Atlas”. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 6. Pp. 85–103. DOI: 10.31857/S0373658X0002021-2.

Acknowledgements: The article is written as a part of the target research topic of ILLH KarRC RAS «Baltic-Finnic languages in the North-West of Russia: linguistic research in a sociocultural context», AAAA-A18-118012490344-5.

Введение

Основные особенности диалектов вепсского языка, входящего в прибалтийско-финскую ветвь уральской языковой семьи, были выявлены в конце XIX в. финскими языковедами. Они же предложили выделять в языке вепсов три диалекта: северновепский или прионежский, южновепский и средневепский с двумя группами говоров: западовепские (или приоятские) и восточновепские. Наименования диалектов указывают на реальное расположение диалектных ареалов друг относительно друга: северный (или прионежский) ареал находится на юго-западном побережье Онежского озера, средний — в бассейне р. Свири (западные говоры) и на Онежско-Белозерском водоразделе (восточные говоры), и наконец, южный — на р. Лиди в верховьях Волжского бассейна. В группе средневепских принято выделять также так называемые переходные говоры, территориально близкие к южным и бытующие в верховьях р. Капши (Тихвинский и Бокситогорский р-ны Ленинградской обл.). Это членение (см. карту 1), основанное на наиболее значимых фонетических и морфологических особенностях, впоследствии было принято и российскими исследователями¹.

Несмотря на значительное количество вепских языковых материалов, проблема формирования диалектной карты вепсского языка по-прежнему сохраняет актуальность. Не выявлены в полном объеме особенности диалектов, не исследованы переходные зоны, не названы главные маркеры диалектной речи ареалов, не объяснен генезис ареальной дистрибуции. Именно последняя проблема — истоки ареальной дистрибуции — вынесена в центр внимания статьи. Исследование основывается на материалах «Лингвистического атласа вепсского языка» (ЛАВЯ), рукопись которого в настоящее время готовится к печати².

¹ Высказанное И. Б. Иткиным, посетившим в 1991–1994 гг. в ходе лингвистических экспедиций вепский населенный пункт Корвала (Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.), предложение о выделении корвальского говора в особый диалект [Иткин 2002: 169] не поддерживается ни материалами «Лингвистического атласа вепсского языка», ни более ранними исследованиями, например, [Tunkelo 1946: 9–10]. Село географически располагалось при истоках р. Капши и вместе с другими деревнями округа (Нойдала, Ребов Конец, Чидово и др.), а также поселениями в районе оз. Капшозеро (Корбеничи, Нюрговичи, Харагеничи и др.) находилось в ареале переходных говоров, сочетающих характерные средне- и южновепские признаки.

² Работа проводилась при поддержке РГНФ (РФФИ) в 2012–2017 гг. лингвистами ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск) с участием коллег из Санкт-Петербурга (ИЛИ РАН, РГПУ им. А. И. Герцена). Подготовительный этап включал разработку вопросника [Вопросник 2013: 7–45], сбор полевого материала, актуализацию опубликованных и рукописных источников, подготовку карты-основы

Карта 1. Дialeктные ареалы вепского языка³

Проведенная в ЛАВЯ работа позволяет утверждать, что при значительной однородности вепские диалектные ареалы обладают своей спецификой. Она выражается в разной степени сохранности прибалтийско-финского языкового наследия и, соответственно, в вепских инновациях, реализовавшихся в диалектных ареалах в ходе их самостоятельного развития. Важным фактором были языковые контакты с карельским языком и севернорусскими говорами, сформировавшими определенную специфику диалектов. Видимо, имели значение и контакты с предшествующим родственным в языковом отношении населением, отчетливее проявившиеся на южных и юго-восточных рубежах вепского языкового ареала. Определяющую роль в формировании диалектной карты сыграли ландшафтно-географические обстоятельства, обусловившие пути миграций и освоения территории, а также административные границы, приводившие к разобщенности вепских территорий и — как следствие — прекращению прямого общения между носителями языка. Они определяли и основные центры и направления иноязычного влияния. При этом, однако, диалектные границы были проницаемыми, и в целом деление на диалекты носит несколько условный характер.

вепских ареалов с нанесенными на нее населенными пунктами, а также разработку методических положений составления атласа. В настоящее время работа над рукописью ЛАВЯ, которая включает около 200 карт, отражающих ареальное распределение фонетических, морфологических и лексических признаков и снабженных соответствующими комментариями, завершена.

³ В конце статьи приведены расшифровки буквенных и цифровых обозначений населённых пунктов.

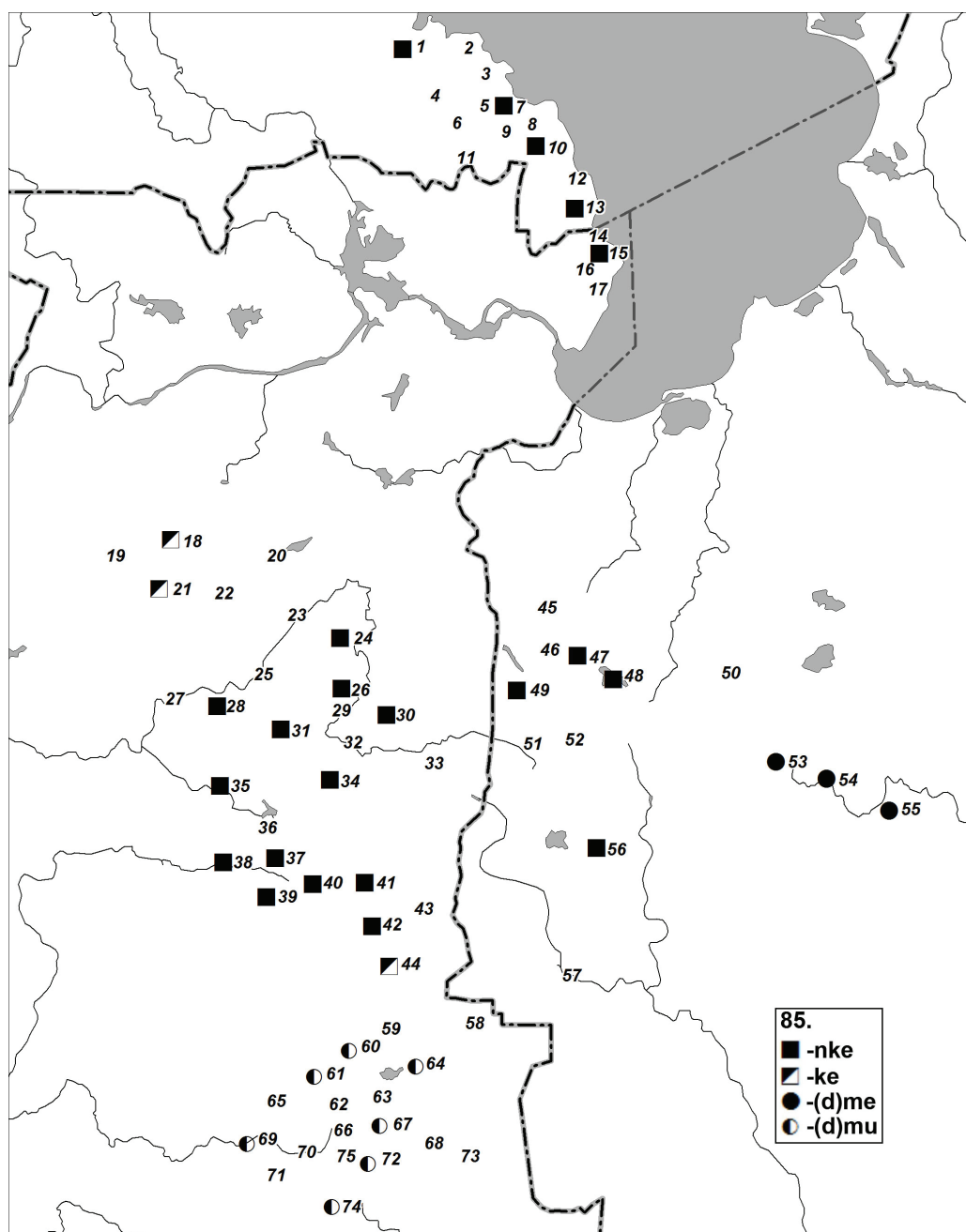
1. Прибалтийско-финское наследие вепсской диалектной речи

В результате ареального анализа выявлена значительная близость вепсских диалектов на всех языковых уровнях. Различия определяются, с одной стороны, степенью сохранности общих исходных языковых признаков, с другой, выбором тех или других элементов из общего наследия в разных диалектных ареалах.

Карты ЛАВЯ, посвященные фонетике, свидетельствуют о том, что вепсский является типичным прибалтийско-финским языком, хотя и утратившим некоторые прибалтийско-финские особенности — в силу как внутренних закономерностей развития, так и внешних факторов. Так, очевидно, внутренние побудительные мотивы спровоцировали преобразование дифтонга *ai-* (*haug* ‘щука’), изначально неустойчивого, в одних говорах в *-ou-* (*houg*), в других в *-aa-* (*haag*). Разная представленность такого важного с точки зрения прибалтийско-финской фонетики явления как гармония гласных также накладывает отпечаток на формирование диалектных ареалов. Исследование показало, что северновепские и белозерские средневепские говоры практически утратили гармонию гласных (например, *iga* ‘возраст’, *lehtman* ‘корову’, *mõha* ‘поздний; поздно’, *süvähä* ‘в глубокий’). В западных же средневепских (в большей части) и частично в южновепских говорах рефлекс гармонии гласных наблюдаются (например, *igä*, *lehtmän*, *mõhä*, *süvähä*), выступая своеобразным маркером названных говоров. Анализируя рефлекс гармонии гласных в вепском языке, финский фonetист К. Вийк пришел к выводу, что побудительный мотив ее ослабления или — в ряде говоров — полного исчезновения кроется в утрате гласным первого слога («ассимилятором») функции воздействия на выбор последующих гласных звуков слова. В результате этого происходит изменение звукового строя и постепенный переход вепсского языка из группы языков «гласного типа» («*vokaalikiellet*»), обладающих гармонией гласных в полном объеме, в группу языков «согласного типа» («*konsonantikiellet*»), у которых гласные переднего ряда перестают употребляться, чаще всего, дальше первого слога. Консонантная система последних характеризуется мощным стремлением к смягчению согласных звуков, компенсируя сужение употребления гласных переднего ряда [Wiik 1989: 101–102, 115].

Анализ грамматических карт ЛАВЯ показал, что вепсский язык достаточно хорошо сохранил во всех своих диалектах древнюю прибалтийско-финскую систему именного словоизменения. Процесс последующего развития, а также языковые контакты, особенно с карелами и русскими, в большей степени сказались на словоупотреблении и синтаксических функциях форм. И лишь развитие системы так называемых «последложных падежей», которое стало общевепским явлением, внесло в словоизменение определенные коррективы и связало язык южных вепсов с группой восточновепских (белозерских) говоров. Это касается, прежде всего, падежа последложного образования комитатива⁴, который в западных средневепских говорах и северновепском диалекте маркируется окончанием *-nke* (*-ke*) (возникло из окончания генитива *-n* + послелог **kerdal* ‘(быть) с собой’: *astta koira-nke* ‘идти с собакой’, *tulda lapse-nke* ‘прийти с ребенком’), в то время как южному диалекту и восточным белозерским говорам свойственно окончание *-dme* ~ *-dmu* (*-me*, *-mu*) (возникло из окон-

⁴ Генезис падежей последложного образования, окончания которых назывались постпозиционами, агглютинатами, падежными формантами и т. д., вызвал в свое время большую дискуссию (см., например, [Дубровина 1956; Хямляйнен 1958; Oinas 1961; Viitso 1968; Grünthal 2003] и т. д.). Тем не менее, вопрос до сих пор остается открытым, уточняются критерии существования так называемых «последлогообразных падежей» и особенностей их формантов, которые с синхронной точки зрения уже явно «не принадлежат к классу послелогов» [Иткин 2002: 169–170]. Так, при положительном в целом решении проблемы о включении ряда новых падежей в падежную систему вепсского языка, вопрос их количества не решен: в научных исследованиях, например, их выделяется 8–10, а в школьных грамматиках младописьменного вепсского языка — 5 [Зайцева 1981: 94–101, 115–118, 122–151; Zäiceva 2003: 73–78, 81–84]. Для настоящей статьи важен падеж последложного образования комитатива, включение которого в падежную систему не вызывает особых разногласий.

Карта 2. Показатели комитатива ед. ч.

чания партитива + послелог **möö*- ‘по, вдоль (чего-либо)’: *astta koira-(d)me* ~ *koira-mu* ‘идти с собакой’, *tulda las-tme* ~ *las-tmu* ‘прийти с ребенком’⁵; см. карту 2).

⁵ Отметим, что структурные элементы окончаний, которые ранее были флексиями партитива или генитива, в новых формантах комитатива находятся в стадии свободного варьирования: элемент

Показательно, что аналогичное разделение вепсского языкового ареала на северо-запад и юго-восток демонстрируют и некоторые другие языковые явления, что позволяет ставить вопрос о генезисе этого членения, явно вписывающегося ареально в исторические губернские границы (см. ниже).

В лексике становление внутреннего членения вепсского языкового ареала отражается наиболее отчетливо — в силу более выраженной подвижности лексического уровня на фоне других языковых уровней. Ареальный анализ вепсской лексики доказывает значительное единство основного словарного запаса, выраженного исконной лексикой, общей для всех или большинства прибалтийско-финских языков. Об этом свидетельствуют и этимологические словари финского и эстонского языков, содержащие вепсский материал⁶. Однако общность не исключает тех ситуаций, когда в отдельных говорах сейчас функционируют разные древние лексемы с близким значением, что и является диалектоформирующим моментом. Эту ситуацию хорошо иллюстрируют именованная понятия ‘устать’, которое обозначается в вепсских диалектах тремя лексемами: *vāzuda*, *surduda*, *šušuda*. Глагол *vāzuda* бытует в северновепсском диалекте, а также в восточных средневепсских говорах. Он широко представлен и в родственных языках в аналогичном вепсскому значении [SSA, III: 484–485]. В свою очередь, *surduda*, маркирующий западные средневепсские говоры, имеет в родственных языках значительный разброс в семантике: от ‘грустить, печалиться’ до ‘заботиться’, ‘худеть’, ‘умереть’ [SSA, III: 221]. В этом контексте семантику вепсского глагола *surduda* можно характеризовать как инновационную, хотя сама лексема является несомненным исконно прибалтийско-финским наследием. Глагол же *šušuda*, функционирующий в языке южных вепсов, не включен ни в один известный этимологический словарь. Между тем и фонетически, и семантически он явно входит в одно этимологическое гнездо с финск. *suistua* ‘свалиться, сваливаться’ (ср. также карел. *šušuo* ‘утомляться, уставать, изнемогать’ [Макаров 1990: 367; KKS, V: 534]). Любопытно, что это тот редкий случай, когда южно-вепсский диалект объединяется с карельскими говорами. Таким образом, три исконных прибалтийско-финских глагола стали своеобразными маркерами, дифференцирующими вепские диалектные ареалы (см. карту 3).

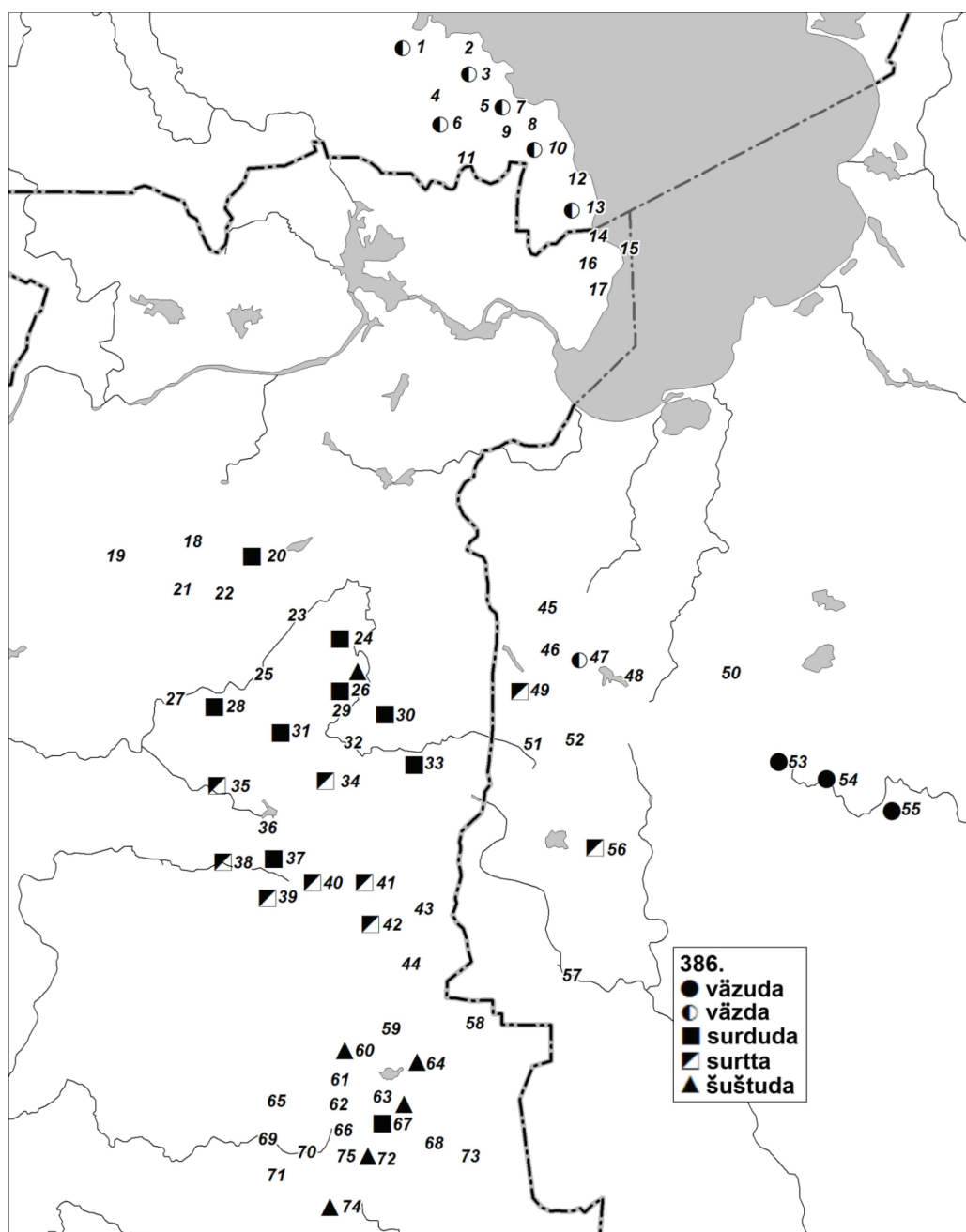
Особенно показательны в плане ареальной дистрибуции древние корневые морфемы, закрепившиеся в неизменяемых наречиях, союзах или местоимениях. Так, четким ареальным противостоянием, хотя и обладающим прибалтийско-финскими корнями, характеризуются вопросительные местоимения *kus* и *miš* ‘где’: *kus* занимает лидирующую позицию на севере и в центре вепсского языкового ареала, в то время как *miš* имеет исключительно южное бытование. Южновепсскому наречию *rat’k* ‘насквозь’ противостоят в других вепсских диалектных ареалах фонетические варианты лексемы *läbi* ‘насквозь’ и т. д. Эти и некоторые другие аналогичные факты демонстрируют явную специфику южновепсского диалекта, имеющую глубокие исторические корни.

2. Карельское наследие в диалектах вепсского языка

Материалы атласа впервые высветили со всей очевидностью значение карельских кон-
тактов в формировании своеобразия северновепсского (или прионежского) диалекта. Проникновение карельских переселенцев на северновепсскую территорию, зафиксированное

d в *-dme* ~ *-dmi* исключительно нестабилен и даже чаще всего выпадает, в результате чего окончание преобразуется в *-me* ~ *-mi*; *n* в *-nke* более стабилен, поэтому *-ke*, как особый вариант, нанесен на карту, хотя и не несет в этом случае какой-либо особой ареальной нагрузки.

⁶ В отдельных случаях анализ лексики, предпринятый в комментариях ЛАВЯ, позволил дополнить статьи существующих этимологических словарей вепсскими лексическими данными, которые не были включены в них ранее из-за отсутствия материала или нерешенности проблем этимологии.

Карта 3. Именования понятия 'устъ'

уже материалами писцового дела конца XV в. [ПКОП: 37], в последующие два столетия в связи с нестабильностью социально-политической обстановки в Северо-Западном Приладожье приобрело масштабный характер и затронуло в определенной степени и остальной вепсскоязычный ареал.

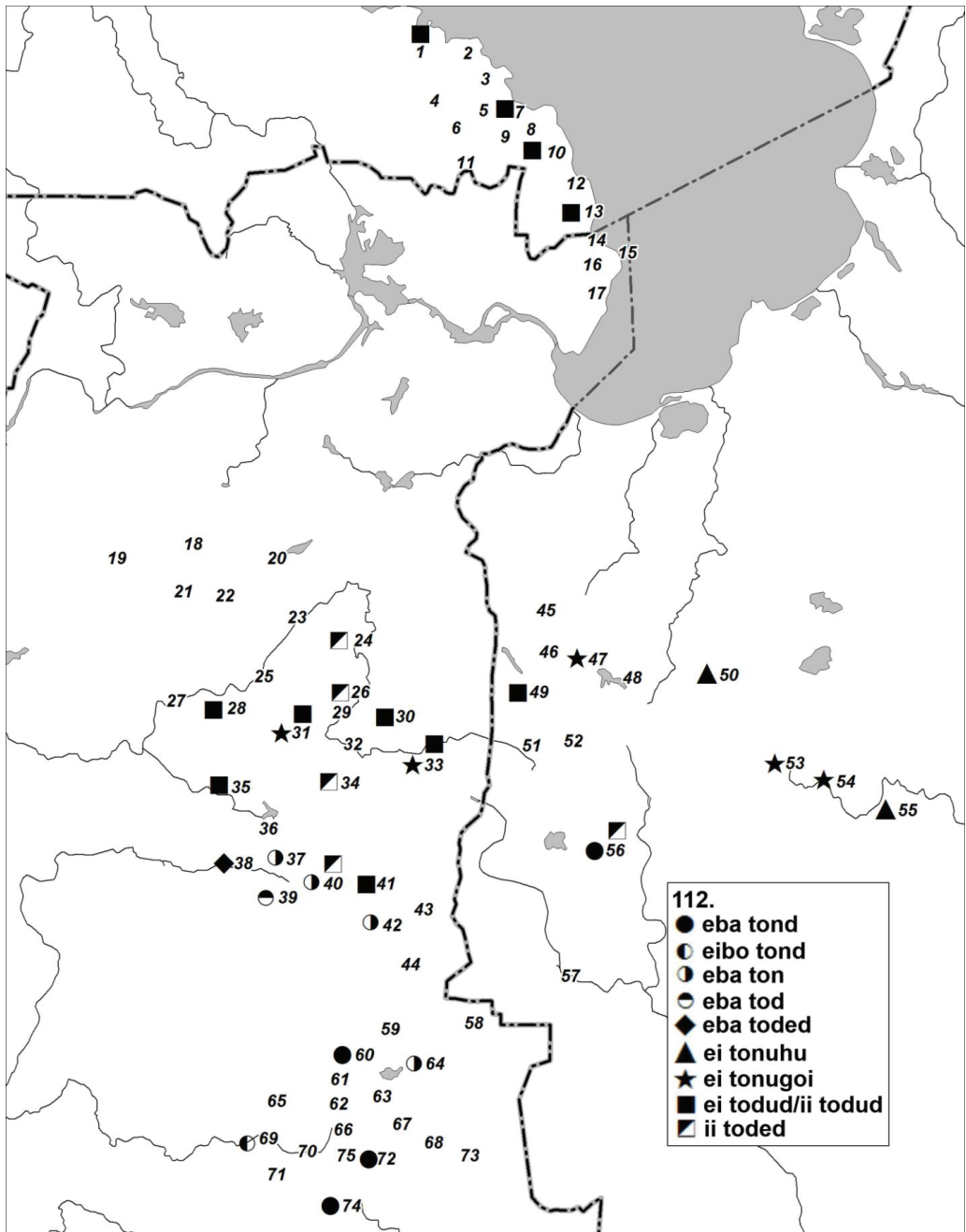
Карельский след отчетливо прослеживается в вепском Прионежье на разных уровнях языка. Здесь, к примеру, отмечаются рефлексы прибалтийско-финского чередования взрывных согласных, несвойственного другим вепским диалектам, зато являющегося характерной особенностью территориально смежных карельских говоров. Среди его убедительных проявлений геминация взрывных согласных *k*, *p*, *t*, отмечающаяся только в северновепском диалекте в оформлении глагольной основы 3 л. ед. ч. презенса индикатива: *kattab* '(он) укрывает', *čibbub* '(он) качается', *čappab* '(он) режет' (ср. соответствующие сильноступенные карельские формы, проявляющиеся в геминации согласных: *tikuttau* '(он) вяжет', *haukkuu* '(он) лает' [Зайков 2000: 47]). Прибалтийско-финское чередование ступеней согласных было утрачено вепским еще на уровне праязыкового развития, сохранившись, по мнению Э. Тункело, в северновепском в геминации согласных звуков в основе 3 л. ед. ч. презенса, «в результате длительных контактов с людиковскими диалектами и карельским языком» [Tunkelo 1946: 148–149].

Не менее показательна и лабиализация, происходящая в северновепском диалекте в форме 3 л. ед. ч. презенса индикатива в основах, оканчивающихся на *-e*: *immob* '(он) сосет', *teggob* '(он) делает' при *imeb*, *tegeb* в других вепских диалектах (ср. карел. *tu-loo* '(он) придет', *menđö* '(он) идет'; но: *tulet* '(ты) придешь', *menet* '(ты) идешь' [Зайков 2000: 53]).

Исключительную пестроту, не свойственную более ни одной из грамматических форм вепского языка, демонстрирует карта бытования отрицательной формы 3 л. мн. ч. имперфекта индикатива (см. карту 4), где важным фактором вариативности является именно карельское влияние. В южновепском диалекте, а также в переходных говорах в передаче отрицательного значения имперфекта 3 л. мн. ч. сохранилось древнее прибалтийско-финское положение вещей (ср. глагол *toda* 'принести': *eba tond* ~ *eba ton* ~ *eba tod* < **eßä toonuđet* '(они) не принесли'); в ряде центральных средневепских говоров функционирует собственная инновационная форма (*ei tonugoi* '(они) не принесли' [Зайцева 2002: 100–106]), не свойственная имперфекту родственных прибалтийско-финских языков; в белозерских говорах средневепского региона в образовании отрицательной формы участвует активное причастие имперфекта с показателем *-nuhu* (*ei tonuhu* '(они) не принесли', *ei pannuhu* '(они) не положили'). Выступающий в нем согласный *-h* представляет собой рефлекс древнего спиранта **δ*, который в ряде языков выпал (например, в финск. *tuoneet* < **toonuet* < **toonuiđet* 'принесшие'), в других **δ* > *d*, как это случилось практически во всех диалектах вепского языка (ср. *tonuded* 'принесшие', *pannuded* 'положившие', *astnuded* 'шедшие'). В белозерских же говорах появление в этой ситуации звука *h* вместо *d*, по мнению исследователя исторической фонетики вепского языка Э. Тункело, можно объяснить лишь заимствованием из карельского языка [Tunkelo 1946: 211]. Из письменных источников известно, что в Белозерье существовали точечные поселения карелов, откуда мог быть заимствован подобный, характерный для их языка, формант⁷. Полагаем, что карельское влияние⁸ могло сказаться и в полном вытеснении из северновепского диалекта в обозначении 3 л. мн. ч. презенса и имперфекта активных форм и замещении их пассивными. В их бытовании северновепский диалект резко противостоит остальным диалектам вепского языка. Здесь наши выводы совпадают с исследованиями этнологов, которые также утверждают, что «...с XV века прионежские вепсы с севера и запада находились в непосредственном окружении карельского населения и, как показывают этнографические данные, испытывали с его стороны заметное влияние» [Винокурова 2015: 177–178].

⁷ В документе 1898 г. корреспондент Тенишевского архива К. Черемхин пишет о «корелах», проживающих вблизи Марковской волости (на лингвистической карте пункт Войлахта — VI) Белозерского уезда Новгородской губернии [Винокурова 2008: 108].

⁸ В карельском языке в 3 л. мн. ч. отмечается полная победа пассивных по происхождению форм над активными, см. [Зайков 2000: 80–81].

Карта 4. Отрицательная форма 3 л. мн. ч. имперфекта индикатива
(глагол *toda* 'нести': '(они) не несли')

Особенно зримо карельское наследие высвечивается в лексике северновепских говоров, характеризующейся целым рядом ярких карельских включений, полностью отсутствующих в других вепских диалектах. Среди них, например, *ald* 'волна' (карел. *oalto*, *oaldo*, *aldo*),

tuk ‘волосы’ (карел. *tukka, tukku*), *pereh* ‘семья’ и некоторые другие⁹, для каждого из которых существует свое исконное соответствие за пределами северновепсского ареала. При этом мотивы их заимствования в местный вепсский говор в ряде случаев еще возможно уловить. К примеру, вытеснение карельским термином *ald* исконно вепсского *laineh* ‘волна’ явно обусловлено специфической семантикой карельской лексемы, обозначающей, прежде всего, большую волну, характерную для Онежского озера, в то время как *laineh* характеризует обычную речную или озерную волну.

3. Русское диалектное наследие в вепсском языке

Бесспорные русские заимствования как свидетельство исключительно прочных и долговременных русских связей присущи всем вепсским говорам. Многие из них носят общевепсский характер и имеют глубокие корни. Материалы ЛАВЯ позволили выявить определенную дистрибуцию русских включений по вепсским диалектным ареалам, которая прежде не попадала в поле зрения исследователей. Анализ лингвистических карт, проведенный с учетом административного членения вепсского языкового ареала, показал, что она вызвана проникновением русских включений из разных русских центров. Свой набор заимствованных лексем характерен, к примеру, для южновепсских говоров. Среди них *bast'a* ‘говорить’, ср. широко бытующее в русских говорах Верхневолжья *басить* ‘говорить (шумно, много), разговаривать’ [СРНГ, 2: 130], *bask* ‘красивый’ из *баской* ‘красивый’, *pabetk* ‘обед’, восходящее к известному в новгородских, олонецких и тверских говорах *наобед, набед, набедок* ‘второй завтрак, полдник; время близкое к полудню’ [СРНГ, 25: 106, 203; НОС: 779] и др. Русское языковое воздействие просматривается иногда и на уровне семантического развития слова, как в случае с бытованием вепсской лексемы *raha* ‘серебро’ в южновепсских говорах в значении ‘милый, любимый’, ср. русск. *серебриночка* в обращении — ‘дорогая моя, серебряная моя’ [СРНГ 37: 196]. В этом же ряду наречие *piidol, piidou* ‘на улице’, буквально ‘в поле’, бытующее в переходных средневепсских говорах и явно спровоцированное соответствующей русской традицией, ср. русск. *в (чистом) поле* ‘за границами своего мира, дома’ [СДЭС, 4: 135].

Будучи представленными в южновепсском ареале и лишь иногда выходя за его пределы на север в зону переходных средневепсских говоров, эти и другие заимствования явно проникли с юга, из территориально близких русских говоров, бытующих на р. Тихвинке и смежной территории в Верхневолжье. При этом северная граница их бытования накладывается на административную границу исторического Тихвинского уезда Новгородской губернии начала XIX в. Такая ситуация — явное свидетельство детерминированности определенных границ диалектных ареалов административными границами. Последствия административного членения и, соответственно, вхождения вепсских территорий в разные российские административные образования отражаются, очевидно, в несколько ином наборе русских заимствований в отдельных диалектных ареалах. Понятно, что в данном случае значимы границы, имеющие относительно длительную историю, закреплявшую и языковые традиции. Именно такова граница, разделявшая Олонецкую и Новгородскую губернии, которая была официально утверждена в начале XIX в. Однако в действительности она имеет глубокую предысторию, восходящую еще ко времени новгородского продвижения на восток, проходившего, с одной стороны, по р. Свири в Обонежье, с другой, по более южному водно-волоковому пути, в систему которого была включена и р. Тихвинка, в Белозерье. Есть основания полагать, что этот географический и обусловленный им социально-исторический

⁹ Ни один из известных словарей, а также ни один из сборников образцов вепсской речи или трудов по вепсскому языку, включая самые ранние издания XIX в., не отмечает наличия указанных лексем в других диалектах вепсского языка.

контекст объясняют определенную специфику говоров, расположенных на южной окраине вепского языкового ареала.

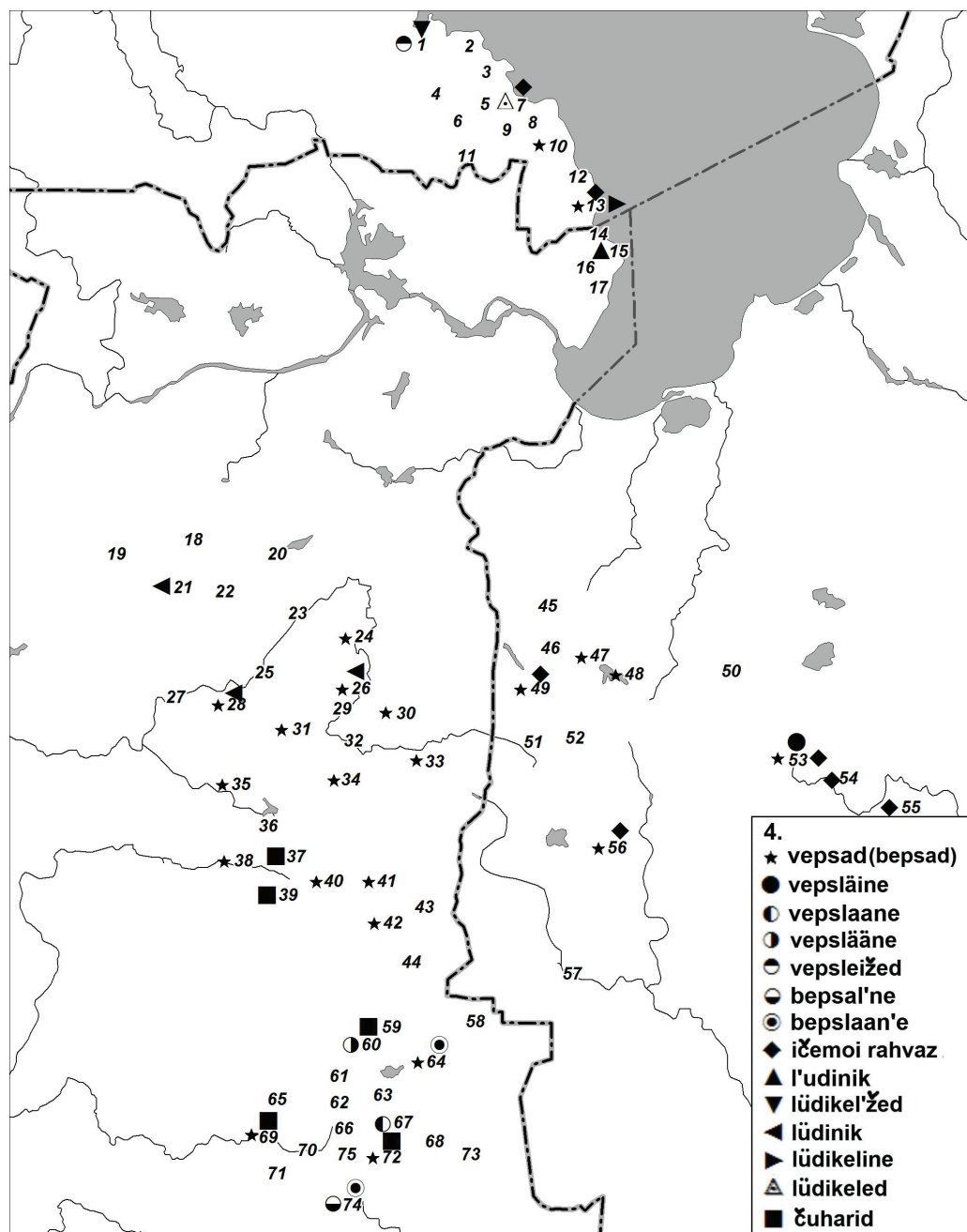
В контексте русского диалектного наследия показательно также, что на выявленную лексическую и, соответственно, губернскую границу накладывается и этнонимическая (см. карту 5): южные вепсы и носители переходных средневепских говоров, проживающие в границах бывшего Тихвинского уезда, усвоили от русских соседей этноним *чухари*, вепс. *čuharid*, в то время как прионежские вепсы, а также представители западных говоров приоятских вепсов в пределах бывшей Олонецкой губернии предпочитают самоназвание *l'udinik*, тоже воспринятое в прошлом от русских соседей (русс. *люди*, *людин* 'свободный человек; обычный горожанин в противовес знатному сословию' [Фасмер, 2: 545; SSA, 2: 120]). Он распространился по Свири вместе с новгородским освоением и называл местных вепсов, которые в то время (первые века второго тысячелетия) были основным населением южного и северного Присвирья¹⁰ (см. карту 5 на с. 96).

К имеющей глубокие исторические корни ареальной оппозиции *чухари* — *людики* следует добавить еще один член — *кайваны* или *кайбаны*, который имеет, видимо, белозерские истоки. Он используется прежде всего применительно к вологодским вепсам, на восточной окраине вепской территории. Помимо пондальско-куйских и шимозерских, им называли вепсов, населявших теперь уже обрусевшие поселения в верховьях р. Суды, а также проживавших в Исаевской волости, на северо-восточной границе Белозерья. «Черноухими кайванами» называли жителей Андомского края — деревень Сойдозеро и Ладвозеро [Логинов 2001: 367]. Этноним проник и в верхнее Присвирье. С точки зрения традиционного административного членения это Белозерский уезд Новгородской губернии и Вытегорский уезд Олонецкой губернии. Впрочем, надо полагать, что административные границы XVIII–XIX вв. лишь в какой-то степени стабилизировали ареалы отдельных этнонимов, которые имеют более глубокие исторические корни и связаны, видимо, с разными маршрутами русского продвижения в ареал вепского расселения: *кайваны* — с юга, из Верхневолжья и расположенного на этом маршруте Белозерья к Онежскому озеру; *чухари*, за которыми стоит историческая *чудь*, — с запада, из Новгородской округи по водно-волоковым путям в Верхневолжье, в том числе в Белозерье, и далее на восток; *людики* — из Поволховья по Свири к Онежскому озеру. При этом статус самих этнонимов в вепской языковой среде различен: *людики* из наименования, данного русскими, превратился в самоназвание, *чухари* получил статус самоназвания (ср. также *bast'a čuharikš* 'говорить по-вепски', букв. 'по-чухарски') только в локальном ареале на юго-западной вепской окраине, *кайваны* не воспринят в вепское бытование и является уничижительным именованием вепсов в русской среде.

4. К истокам формирования вепской диалектной карты

Территория современного вепского расселения тяготеет к верховьям небольших лесных рек и озер на водоразделе Балтийского и Волжского бассейнов. Такая характеристика ареала однозначно маркирует его как остаточный, образовавшийся в ходе поэтапного сокращения в связи с обрусением, а также карелизацией традиционных вепских поселений, располагавшихся вдоль транзитных водных и водно-волоковых путей в межозерье Онежского, Ладожского и Белого озер. За рубежами современного вепского языкового ареала сохранились многочисленные следы былого вепского наследия как в языке [Itkonen 1971; Мызников 2003; 2007], включая топонимию, так и в культуре [Пименов 1965], свидетельствуя о вепском историческом прошлом территории.

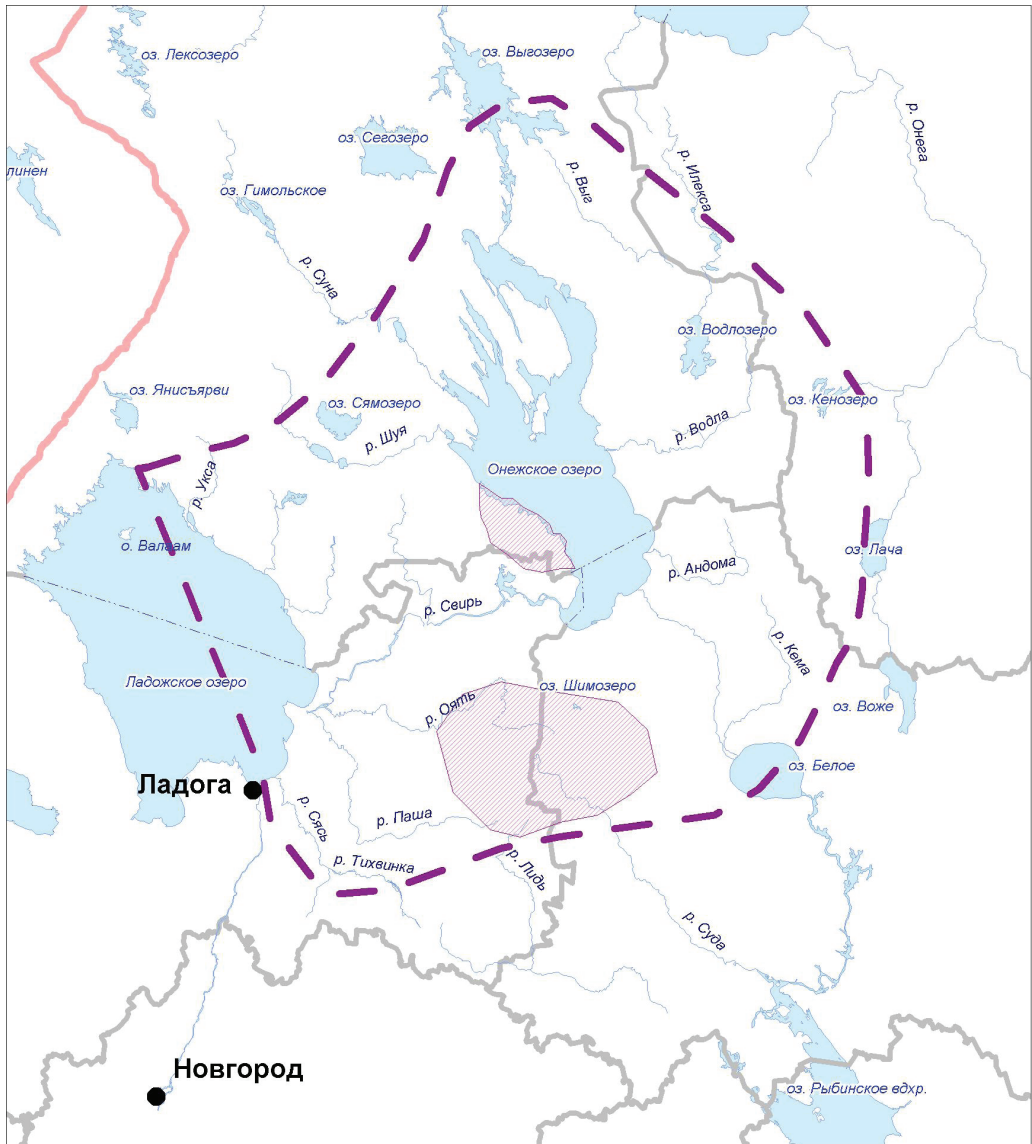
¹⁰ Людиками называют себя также карелы-ливвики и карелы-людики, населяющие северное Присвирье, в языковом отношении представляющие собой карелизованных вепсов.

Карта 5. Самоназвания вепсов

Картографирование специфически вепских топонимных моделей и субстратной лексики с вепскими истоками, проведенное для ряда лексем, в том числе, и в ЛАВЯ (см., например, [Mullonen, Zaitseva 2017]), а также привлечение ряда других источников позволяет реконструировать историческую вепскую территорию. Это довольно обширный регион, в центре которого находится Онежское озеро, соединенное водными и водно-волоковыми

путями с Ладожским и Белым озерами, Белым морем и р. Онегой (см. карту 6). Вепсы населяли побережья рек и озер, бывших в доиндустриальную эпоху основными магистралями продвижения на север. Именно по вепским рекам прошли в наше время и Волго-Балтийский и Беломоро-Балтийский водный путь.

Карта 6. Реконструкция исторической вепсской территории

Формирование территории и ее рубежей было обусловлено как природными, так и культурными факторами [Муллонен 2012]. Северная граница исторической вепсской территории, тянущаяся от северо-восточного угла Ладожского озера к северному Обонежью, накладывается на северную границу зоны среднетаежных лесов, а также южной климатической зоны Карелии (см. карту растительности в [КЭ: 26]). При этом природная граница

оказывается и культурной, отделяющей территорию, более благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно.

Земледельческими предпочтениями населения обуславливалась и западная граница, привязанная к плодородным речным долинам восточных притоков Ладожского озера. В свою очередь, южные и восточные рубежи исторического вепсского этноязыкового ареала формировались с учетом активной и ранней древнерусской миграции из Новгородской округи по транзитным водным и волоковым путям в Белозерье, оттуда к верховьям р. Онеги и далее по Онеге в Поморье. Она препятствовала продвижению вепсской колонизации в южном и восточном направлении. Впрочем, юго-восточные границы имеют, очевидно, более древние истоки, связанные с вхождением Белозерья в Верхневолжский историко-культурный и этнический регион.

Исходя из летописного упоминания о веси на Белом озере, а также учитывая, что несколько вепсских деревень до сих пор сохранилось вблизи его северо-западного побережья, в исследованиях по вепсской истории и этнографии принято включать Белое озеро в границы этнической вепсской территории (например, [Бубрих 1947: 16, 27; Пименов 1965]). Эта традиционная точка зрения требует некоторого уточнения с учетом современных исследований. Анализ источников исторического Белозерского края показывает, что освоение его северных и западных областей, где проживает или проживало в прошлом документально засвидетельствованное вепсское население, происходило после XV в. в ходе миграции вепсов из Обонежья. Так, например, расположенный на северо-западной окраине Белозерья вепсский Куйский погост появляется в источниках в середине XVI в., а соседний Пондальский — в начале XVII в. [Копанев 1951]. При этом в языковом отношении вепсские белозерские говоры, с одной стороны, демонстрируют значительное единство с более северными говорами — как следствие миграции населения из-за северных и западных пределов Белозерья, с другой, включают языковое наследие древнего не вепсского населения. Последнее особенно убедительно заявляет о себе в топонимии Белозерья, сохранившей значительный комплекс довепсских названий, которые могут быть условно названы «вепскими», т. е. принадлежавшими летописной белозерской веси, постепенно растворившейся в южной части ареала в потоке новгородского освоения, а в северной — в более позднем прибалтийско-финском (вепском) населении, воспринявшем этноним от своих белозерских предшественников. Показательно в связи с этим, что самоназвание *vepslaine* (и его фонетические варианты) ‘вепс’ бытует практически только в ограниченном южновепском ареале¹¹, недалеко от Белозерья (см. карту 5). Анализ детерминантов субстратной топонимии Белозерья довольно убедительно свидетельствует об их принадлежности к языку западноуральского типа, занимавшему промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамскими и, видимо, мордовскими языками [Захарова и др. 2016]. С учетом обозначенных фактов следует, очевидно, признать вторичный характер освоения вепсами территории Белозерья, входившей ранее в ареал расселения верхневолжских финно-угров.

Что касается внутреннего членения вепсского языкового ареала, то при значительном единстве вепсских говоров просматривается, как уже неоднократно отмечалось, определенная обособленность южновепского диалекта. Она основана в первую очередь на географических обстоятельствах: южновепский языковой ареал расположен в верховьях р. Лиди, входящей в Волжский бассейн, в то время как основная северно- и средневепская территория располагается на реках Балтийского бассейна, что предполагает наличие разной предыстории и разных этноязыковых связей. Эта географическая ситуация послужила в определенной степени подоплекой и для формирования административного членения, разделившего вепскую территорию между Олонецкой и Новгородской губернией.

¹¹ В 1930-е годы в русском языке утвердился — сначала в научной и справочной литературе, а затем постепенно и в сознании всех носителей вепсского языка — этноним *вепсы*. В последние десятилетия в виде обратного русского заимствования *vepsad* он вошел в вепсское языковое бытование.

В целом с таким раскладом согласуются и те лексические изоглоссы, которые объединяют южновепские говоры с восточными средневепскими, в первую очередь, с белозерскими. Территориально последние тоже входили в состав Новгородской губернии. Целый ряд языковых параллелей в южных и белозерских говорах свидетельствует об устойчивых связях, существовавших в прошлом между этими вепскими ареалами. Неким передаточным звеном в цепочке говоров, связывавших названные территории, могли быть утраченные уже говоры по рекам Колошме, Ножеме и верхней Суде, в культурном и языковом наследии которых обнаружены и другие свидетельства существования такого коридора [Муллонен 2012].

В целом же восточная часть вепского языкового ареала, т. е. территория так называемых восточных средневепских говоров, не едина, о чем наглядно свидетельствуют карты ЛАВЯ. В то время как белозерские говоры, бытующие в южной части Онежско-Белозерского водораздела, тяготеют по некоторым параметрам к говорам южного диалекта (см. выше), говоры северной части этой территории (в частности, шимозерские) демонстрируют близкое родство с северновепскими говорами. Собственно, эта неоднородность формировалась еще столетия назад и отражена в материалах писцового дела XV–XVI вв. по Обонежской пятине, в соответствии с которыми Шимозерье с округой и южная часть северновепской территории входили в то время в одну административную единицу — Оштинский погост с центром в с. Ошта на южном берегу Онежского озера. В прошлом объединяющим началом служило, бесспорно, Онежское озеро. Территория же белозерских говоров входила в состав другой административной единицы — Белозерского княжества, и, как уже отмечалось выше, осваивалась собственно вепским населением относительно поздно. Традиционная граница была воспроизведена на более позднем этапе как граница Олонецкой и Новгородской губерний.

Изоглоссы, объединяющие северные и западные средневепские говоры, также могут рассматриваться с учетом вхождения их в прошлом в состав Олонецкой губернии, а до этого — Обонежской пятины. При этом исторически северновепская территория делилась между двумя погостами: Оштинским, прилегавшим к Онежскому озеру, и Остречинским, располагавшимся на р. Свири, что хорошо согласуется с теми сходствами, которые прионежский диалект имеет как с западными, так и с восточными средневепскими говорами. Исходя как из общей историко-географической ситуации, так и из наличия в западном средневепском диалекте некоторых ранних прибалтийско-финских признаков в топонимии, логично предполагать, что именно из Присвирия вепское освоение продвинулось и на север, в Прионежье, и на восток, на Онежско-Белозерский водораздел, обеспечив языковое единство этих территорий. На этом фоне специфика южного диалекта может объясняться как консервацией здесь, на южной окраине вепского языкового ареала, ряда древних признаков, утраченных в центральных говорах, так и поглощением некой прибалтийско-финской волны освоения, продвигавшейся на восток более южным путем. В этом контексте, возможно, следует вернуться на новом этапе исследования к мысли Э. Тункело о схождениях в вепском и (южно)эстонском на разных языковых уровнях [Tunkelo 1946: 904–910]. Позднее свои коррективы в формирование диалектной карты вепского языка внесло установление административных границ, приведшее к административной разобщенности территории и к формированию более устойчивых рубежей.

Заключение

Материалы ЛАВЯ выявили, с одной стороны, значительное единство вепских диалектных ареалов и проницаемость их границ, с другой, безусловную диалектную специфику.

Формирование вепской диалектной карты — это сложный, растянувшийся во времени многофакторный процесс, в котором свою роль сыграли как внеязыковые, так и собственно

языковые обстоятельства. Топографическая карта, расположение водных путей имело своим следствием формирование административной карты: от княжеств и пятин до губерний, а затем и областей. Административная разобщенность вепских территорий приводила, с одной стороны, к консервации некоторых собственно вепских языковых особенностей в пределах отдельных административных единиц — Олонецкой или Новгородской губерний, с другой, к разным по своим истокам и наполнению внешним языковым связям. Выявился, к примеру, целый ряд русских заимствований, не выходящих ареально за пределы Тихвинского уезда Новгородской губернии. Глубинными историческими связями между территориями обусловлено, очевидно, и заметное единство, с одной стороны, между северными и западными средневепскими говорами, с другой, между южными и белозерскими. В ходе подготовки ЛАВЯ подтвердилась значительная специфика белозерских и примыкающих к ним говоров южновепского диалекта на фоне центральных и прионежских. Она проявляется в консервации архаических признаков, наличии раритетных, этимологически затемненных лексем, что может свидетельствовать о следах субстрата, конкретные истоки которого предстоит установить в ходе последующих исследований.

Номера и обозначения вепских населенных пунктов с названиями по-вепски и по-русски

Северновепский диалект:

1. Š — Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Iš — Išan' (Ишанино), —"—
3. Veh — Vehkoja (Вехручей), —"—
4. Nap — Napšom (Габшема), —"—
5. Krik — Krik (Крюкова Сельга), —"—
6. Van — Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), —"—
7. Št — Šoutarv (Шелтозеро), —"—
8. Mec — Mecantaga (Залесье), —"—
9. Mäg — Mägi (Горнее Шелтозеро), —"—
10. Kl — Kaleig (Рыбрека), —"—
11. Ms — Matvejansel'g (Матвеева Сельга), —"—
12. Tž — Tožeg (Другая Река), —"—
13. Kas — Kaskezoja (Каскесручей), —"—
14. Kuk — Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
15. Per — Pervakat (Урицкая), —"—
16. Him — Himd'ogi (Гимрека), —"—
17. Kal'l' — Kal'l' (Щелейки), —"—

Средневепский диалект (западные говоры):

18. Kek — Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Peč — Pečal (Печеницы), —"—
20. Čik — Čikl (Чикозеро), —"—
21. Kar — Karhil (Каргиничи), —"—
22. Nir — Nirgl (Ниргиничи), —"—
23. Kuz — Kuzra (Кузра), —"—
24. Nem — Nemž (Немжа), —"—
25. Nor — Norj (Норгина), —"—
26. Jä — Järved (Озера), —"—
27. Kos — Koskenpä (Надпорожье), —"—
28. Vil — Vil'häl (Ярославици), —"—

29. Sj — Sarjärv (Сарозеро), —"—
30. Rih — Rihaluine (Подовинники), —"—
31. Pec — Pecoil (Пелдуши), —"—
32. Šon — Šondjal (Шондовичи), —"—
33. Ladv — Ladv (Ладва), —"—
34. Mg — Mäggär' (Мягозеро), —"—
35. En — Enar'v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.
36. Ozr — Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
37. Kor — Korbal (Корбеничи), —"—
38. Jog — Jogens (Усть-Капша), —"—
39. Har — Haragl (Харагеничи), —"—
40. Nür — Nürgl (Нюрговичи), —"—
41. Reb — Rebagj (Ребов Конец), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
42. Noid — Noidal (Нойдала), —"—
43. Čid — Čidoi (Чидово), —"—
44. Korv — Korval (Корвала), —"—

Средневеппский диалект (восточные говоры):

45. Tj — Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
46. Šat — Šatjärv (Шатозеро), —"—
47. Šim — Šimgär' (Шимозеро-Сюрья), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
48. Pk — Pütkask (Пелкаска), —"—
49. Vär — Väräsjärv (Кривозеро), —"—
50. Sär — Särgjärv (Сяргозеро), —"—
51. Naž — Nažamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
52. Vah — Vahtkär' (Вахтозеро), —"—
53. Pnd — Pondal (Пондала), —"—
54. Kj — Kuja (Куя), —"—
55. Vl — Voilaht (Войлахта), —"—
56. Pāž — Pāžar' (Пяжозеро), —"—
57. Ker — Kerčak (Керчаково), —"—

Южновеппский диалект:

58. Bor — Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
59. Lah — Laht (Лахта), —"—
60. Šid — Šidjärv (Прокушево), —"—
61. Čai — Čaigl (Чайгино), —"—
62. Sar — Sar' (Остров), —"—
63. Pel — Peloo (Пелуши), —"—
64. Sod — Sodjärv (Сидорово), —"—
65. Žar — Žarad (Жары), —"—
66. Buš — Bušak (Бошаково), —"—
67. Krl — Kortlaht (Кортлахта), —"—
68. Sir — Sirj (Перелесок), —"—
69. Mas — Maslagj (Маслозеро), —"—
70. Tut — Tutuk (Сташково), —"—
71. Ted — Tedroo (Тедрово), —"—
72. Mai — Maigär' (Боброзеро), —"—
73. Vg — Vaagedjärv (Белое озеро) —"
74. Ars — Arskaht' (Радогощь), —"
75. Pož — Požarišš (Пожарище), —"

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- КЭ — Карелия: энциклопедия в 3-х томах. Т. 1. Петрозаводск: Издательский Дом «ПетроПресс», 2007.
- Макаров 1990 — Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск: Карелия 1990.
- НОС — Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- СДЭС — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. СПб.: Наука, 1966–2013.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Наука, 1964–1973.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. Osa I–VI. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1968–2005.
- SSA — Itonen E., Kulonen U.-M. (toim.). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. Osa 1–3. Helsinki: Suomalainen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 556.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бубрих 1947 — Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. [Bubrikh D. V. *Proiskhozhdenie karelskogo naroda* [The origin of the Karelians]. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Finskoi SSR, 1947.]
- Винокурова 2008 — Винокурова И. Ю. Вепско-карельские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 104–116. [Vinokurova I. Yu. Vepsian-Karelian contacts in the Babaev and Vytegra districts of the Vologda region (according to the folk demonology). *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredelnykh regionov*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008. Pp. 104–116.]
- Винокурова 2015 — Винокурова И. Ю. Этнокультурная история вепсов Прионежья по данным мифологии обрядности // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 168–203. [Vinokurova I. Yu. Ethnocultural history of the Prionezhye Vepsians according to the mythology of rituals. *Istoki Karelii: vremya, territoria, narody*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2015. Pp. 168–203.]
- Вопросник 2013 — Вопросник «Лингвистического атласа вепского языка» // Вепские ареальные исследования. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 7–45 [Questionnaire of the «Linguistic atlas of the Vepsian language». *Vepsskie arealnye issledovania*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013. Pp. 7–45.]
- Дубровина 1956 — Дубровина З. М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник ЛГУ. 1956. № 14. С. 69–86. [Dubrovina Z. M. On the formation of secondary cases from postpositional constructions in the Finnic languages. *Vestnik LGU*. 1956. No. 14. Pp. 69–86.]
- Зайков 2000 — Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. [Zaikov P. M. *Glagol v karelskom jazyke* [The verb in the Karelian language]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2000.]
- Зайцева 1981 — Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепском языке (история и функционирование форм слова). Петрозаводск: Карелия, 1981. [Zaitseva N. G. *Imennoe slovoizmenenie v vepsskom yazyke (istoria i funktsionirovanie form slova)* [Nominal inflection in Vepsian (History and functioning of word forms)]. Petrozavodsk: Karelia, 1981.]
- Зайцева 2002 — Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. [Zaitseva N. G. *Vepsskiy glagol. Sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie* [The Vepsian verb. A comparative study]. Petrozavodsk: Periodika, 2002.]
- Захарова и др. 2016 — Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И. В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 7–29. [Zakharova E. V., Makarova A. A., Mullonen I. I. In search of toponymic borders in Belozerye. *Voprosy Onomastiki*. 2016. Vol. 13. No. 1. Pp. 7–29.]
- Иткин 2002 — Иткин И. Б. Выражение пространственно-временных отношений в именных словоформах и проблема «послеложных формантов» // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории

- грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: ООО «Русские словари», 2002. С. 167–182. [Itkin I. B. The expression of space-time relations in nominal word forms and the problem of «postpositional formants». *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 2: Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znachenii v yazykakh mira*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: ООО Russkie Slovarei, 2002. Pp. 167–182.]
- Копанев 1951 — Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. [Kopanev A. I. *Istoria zemlevladieniya Belozerskogo kraia XV–XVI vv.* [History of land ownership of the XV–XVI centuries Belozersky region]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951.]
- Логинов 2001 — Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и этнографического Заонежья // Герд А. С., Лебедев Г. С. (ред.). Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2001. С. 360–369. [Loginov K. K. Ethnic history of the Eastern Obonezhye and ethnographic Zaonezhye. *Ocherki istoricheskoi geografii. Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny*. Gerd A. S., Lebedev G. S. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2001. Pp. 360–369.]
- Муллонен 2012 — Муллонен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепской этнической территории // Труды КарНЦ РАН. № 4. (Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 3.) Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. С. 13–24. [Mullonen I. I. The natural and cultural factors shaping the Vepsian ethnic territory. *Trudy KarNTs RAN. No. 4. Ser. Gumanitarnye issledovaniya*. No. 3. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2012. Pp. 13–24.]
- Мызников 2003 — Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. [Myznikov S. A. *Russkie govory Obonezhya. Arealno-etimologicheskoe issledovaniye leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of the Obonezhye. Areal-etymological study of the vocabulary of the Finnic origin]. St. Petersburg: Nauka, 2003.]
- Мызников 2007 — Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2007. [Myznikov S. A. *Atlas substratnoi i zaimstvovannoi leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [Atlas of the substrate and borrowed vocabulary of the Russian dialects of the Northwest]. 2nd ed., revised and enlarged. St. Petersburg: Nauka, 2007.]
- Пименов 1965 — Пименов В. В. Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. [Pimenov V. V. *Vepsy: ocherk etnicheskoi istorii i genezisa kul'tury* [Veps: a study of ethnical history and the genesis of culture]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.]
- Хямяляйнен 1958 — Хямяляйнен М. М. Об агглютинатах в вепском языке и в южнокарельских говорах карельского языка // Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 12. Петрозаводск, 1958. С. 90–91. [Hämäläinen M. M. On agglutinates in Vepsian and in South Karelian dialects of the Karelian language. *Trudy Karel'skogo filiala AN SSSR*. No. 12. Petrozavodsk, 1958. Pp. 90–91.]
- Grünthal 2003 — Grünthal R. *Finnic adpositions and cases in change*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2003. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, 244.)
- Itkonen 1971 — Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. *Virittäjä*. 1971. No. 2. S. 153–182.
- Mullonen, Zaitseva 2017 — Mullonen I., Zaitseva N. Areal Distribution of Veps Topographical Vocabulary. *Linguistica Uralica*. Vol. LIII. 2017. No. 2. Pp. 106–123.
- Oinas 1961 — *The development of some pospositional cases in Balto-Finnic languages*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1961. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, 123.)
- Tunkelo 1946 — Tunkelo E. A. *Vepsän kielen äännehistoria*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 228.)
- Viitso 1968 — Viitso T.-R. *Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus*. Тарту, 1968. (Ученые записки Тартуского государственного университета, 218.)
- Wiik 1989 — Wiik K. *Suomen kielen morfofonologian historia 1: Nominien taivutus 1649–1820*. Turku: Turun yliopisto, fonetiikka, 1989.
- Zaiceva 2003 — Zaiceva N. *Vepsän kelen grammatik. Teoretine openduzkirj 5.–9. klassioile*. Petroskoi: Periodika, 2003.